

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Грозный — 1991

Печатается по постановлению ученого совета Чечено-Ингушского ордена
«Знак Почета» научно-исследовательского института истории, экономики, социологии и филологии при Совете Министров ЧР.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ш. А. Гапуров (ответственный редактор), В. Х. Акаев, Я. З. Ахмадов,
А. И. Хасбулатов, Х. А. Хизриев.

Рецензент: доцент кафедры общественных наук Института
народного образования ЧР, кандидат исторических наук
Ш. Б. Ахмадов.

© Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
истории, экономики, социологии и филологии. Сектор истории
ЧР досоветского периода. Темплан 1991 г.

Перестрой
нуть на исто
нивать истори
Исходя из то
своему усмот
претировать,
ных и трудны
В этом пл
ствующих тем
ставлены стат
нию чеченцев
жи. Не забыт
публики, дань
чевых народов
В статье Х.
кочевников на
социальной ст
об уровне их ра
Работа С. А
чения вольного
структуру фео
ловне.
В статье Л.
кованных Воен
ного округа в
А. А. Мусае
булата Таймиев
лова в Чечню в
В статье М.
шие в Чечне в
освещается поли
костных чеченцев
А. И. Хасбулатов
ния грозненского

нефтяную промышленность в эпоху доимпериалистического и империалистического капитализма.

Статья И. Э. Ахмадова посвящена причинам возникновения горской государственности в ходе народно-освободительной борьбы в Чечне в 20—50-х гг. XIX в., а также характеристике основных институтов управления имамата.

В статье Ш. А. Гапурова дается анализ роли российско-севе-рокавказских мирных соглашений в колониальной политике России. На основе сравнительно-сопоставительного подхода показано, что подобные же формы и методы в своей колониальной политике применяли Англия, Франция и Германия.

На основании архивных материалов В. И. Денискиным анализируются фонд частновладельческих земель, его составная структура, дана характеристика отдельных владений, выявляются закономерности развития этого вида земельной собственности.

Эти и другие вопросы нашли свое отражение в данном сборнике, который подготовлен отделом истории ЦИИР дореволюционного периода ЦИИНИИЭСФ и послужит хорошим началом ликвидацион «белых пятен» в истории нашего края.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У КОЧЕВНИКОВ НАШЕГО КРАЯ В XIII—XV вв.

Х. А. Хизриев

В раскрытии вопроса о развитии феодальных отношений у народов Северного Кавказа в XIII—XV вв., в частности в Чечено-Ингушетии, могут пролить свет материалы, посвященные Золотой Орде, так как в тот период равнинная часть края входила до р. Терек, а иногда до р. Сулжи входила в ее состав и испытывала на себе общественные порядки, установленные в этом государстве. Феодальные отношения существовали и в соседних странах у народов, граничавших с Чечено-Ингушетией, на юге — Грузия, на востоке — Дагестан и на западе — Осетия.

Первым специальным исследованием по феодализму кочевников, основанным на изучении большого фактического материала, явилась книга крупнейшего монголоведа Б. Я. Владимирова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», вышедшая в тридцатые годы нашего столетия. Его точка зрения по этому вопросу была общепринятой в советской историографии. Но в 70-х гг. появилась книга Г. Е. Маркова «Кочевники Азии», которую позднее в своем труде «Общественный строй Золотой Орды» подверг критике Г. А. Федоров-Давыдов.

Как же строились отношения у народов Северного Кавказа, в частности в Чечено-Ингушетии в XIII—XV вв. Рассмотрим этот вопрос на примере Золотой Орды, которая в начальный период была частью Монгольской империи.

С образованием Монгольской империи вся земля страны являлась монопольной собственностью государства. Его полновластно распоряжался государь, как своим собственным владением, раздавая ее по своему усмотрению тем или иным представителям племени. При Чингисхане вся империя была разделена на четыре устьевых улуса, которые он отдал в наследственное управление своим сыновьям — четырем царевичам. Уделы он выделил также матери, братьям и другим ближайшим сородникам. Империя была, кроме того, разделена на тьмы и тысячи. Эти владения, сначала

рожденные в большинстве случаев в качестве условных пожалований типа бенифиции, вскоре превратились в безусловные наследственные феодалы. Тысяча — это основная единица феодального владения монгольского общества — была по сути дела сеньорией, помещьем или вотчиной кочевых нойонов. Право верховного, и даже единственного, собственника земли сохранялось за государством в лице императора, но царевичи и другие владетельные князья распоряжались улуусом, тьмой и тем более тысячей как своей вотчиной. К середине XIII в. земля, и в качестве государственной собственности, и как владение отдельных нойонов, была полностью превращена в собственность класса феодалов.

К. Маркс, подчеркивая важную черту специфики кочевого феодализма, отметил, что кочевники «относятся к земле как к своей собственности, хотя они никогда не фиксируют этой собственности». Далее он пишет, что «у пастушеских народов **собственность на естественные продукты земли**, например, на овец — это одновременно и собственность на землю, которую они пастусят. Вообще же собственность на землю включает также и собственность на ее органические продукты». Ведь монгольские феодалы как раз и были собственниками больших отар овец, крупного рогатого скота, табунов лошадей, верблюдов и др. А земледельческие продукты они брали с покоренного оседлого населения, облагая его немалыми поборами.

Вместе с тем у кочевников основными средствами производства были земля — пастбище, скот и несложные орудия труда, из которых главным являлась земля. И в скотоводстве земля оставалась главным средством общественного производства. Скот, в каждом отдельном конкретном случае, в зависимости от своего вида, пола, возраста, выступал то как средство производства, то как предмет потребления. Например, лошади, бык, верблюд преимущественно выступали в качестве средства средств производства, в частности транспорта. Племенной скот играл роль средств производства. Значительная часть баранов и коз использовалась как предмет потребления.

Вдобавок скот составлял основное богатство как всего общества, так и отдельных его членов. Скот играет прежде всего роль средства производства, хотя одновременно является и предметом потребления и основным богатством отдельного феодала и страны. Кочевое скотоводческое хозяйство было общественным производством, представляющим собой определенный производственный цикл — от распада до распада, от весны до весны.

В скотоводческом хозяйстве при докапиталистических формах, как и в земледелии, осуществляется в основном простое воспроизводство, но ему, как и оседлому хозяйству, свойственна тенденция и расширенного воспроизводства, притом не только в смысле размножения скота, роста его поголовья, но и в смысле увеличе-

чения его живого веса, качества, продуктивности и др. Наряду с этим, вся история возникновения и развития классового общества, государственности и формирования феодализма в Монгольской империи взаимосвязаны с процессом перехода земли во владение и в монополизацию собственности феодализирующейся знати, а также обусловлены этим превращением свободных общинников в феодальнозависимых и крепостных.

Ремесло являлось вспомогательным занятием в хозяйственной деятельности кочевников. Они умели изготовлять различные изделия из кожи, шерсти, дерева, глины, кости, бронзы, железа. Например, деревянные каркасы юрт, крытые повозки, телеги, войлочные кошмы, железные топоры, котлы, а предметы украшения из золота, серебра и драгоценных камней зачастую изготовлялись иными мастерами из других стран и народов.

В Золотой Орде, как и во всей империи, существовали разные рода военные ремесла, которые, как говорил К. Маркс, способны к развитию общества³. К военным ремеслам или к вооружению относятся изготовление стрел, конев, сабель, ножей, лук и др. Стенобитные машины, катапульты и другие осадные орудия в этой стране делали исключительно специалисты и мастера из завоеванных стран.

В XIII в. ставка хана Золотой Орды (как и самого императора), его жень, царевичей, крупных нойонов и военачальников нередко становилась центром скопления большого количества людей, а также ремесла и торговли, превращаясь в городские поселения. Такой была, например, столица империи Кара-Корум и ставка Батия — Сарай-Бату. В городах и кочевых ставках располагались постоянные базары. Торговля была сравнительно обширной, о чем свидетельствует огромное количество монет, найденных археологами в развалинах городов, и многие привозные иски.

Градопостроительство, постройка дворцов и домов, ремесленное производство и земледелие в Золотой Орде и всей империи велись и значительной степени за счет эксплуатации труда пленников строителей, ремесленников и земледельцев. Торговлей занимались в большинстве случаев мусульманские, русские, болгарские и севе-рокавказские купцы. Немалая часть ценностей материальной культуры была создана руками этих покоренных народов.

В силу сохранения за государством права верховного собственника земли, государственные повинности и налоги были рентой-налогом. Относительно ренты при кочевом феодализме К. Маркс писал: «Присваивается и воспроизводится здесь на самом деле не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют сообща⁴. Форма земельной собственности и крепостного права, в свою очередь, определила характер распре-

деления общественного богатства между классами, размер феодальной земельной ренты, государственных повинностей и налогов.

В качестве земельной ренты каждый арат и оседлый земледельец должен был выделить часть продуктов своего труда тысячу, темнику и царевичам, не говоря уже об императоре и государстве. Они должны были также отчислять определенное количество повинностей, в том числе и трудовых. Существовали как отработочная, так и продюктовая ренты. В XIV в. получают развитие и денежные ренты.

О натуральной ренте, которую выплачивали кочевники своим феодалам, неоднократно свидетельствуют очевидцы, в частности Платон Карпин: «Как вожди, так и другие обязаны были давать императору для дохода кобыл, чтоб он получал от них молоко на год, на два или на три, как ему будет угодно, и подданные вождей обязаны давать то же самое своим господам, ибо среди них нет никакого свободного»⁵.

У него же имеются сведения о размерах этой дани, о ее периодичности. Так, например, тридцать владельцев ежегодно доставляли ко двору хана Батыя молоко от 100 кобылиц каждый. Если исходить из того, что подданные обязаны «приносить ко двору своих господ кобылье молоко каждого третьего дня», то становится ясным, что размер натуральной ренты составлял третью часть дохода⁶.

Следует отметить, что улусные ханы до распада империи имели доходы и в соседних ханствах. Сохранились сведения, относящиеся ко времени смерти Батыя, когда в Чататайском улусе распались с его подданными в Бухаре: «Около того времени каан (Кубилай) отправил посла, который произвел новую перепись населения (шумаре) Бухары. Из общего числа 16 тысяч человек, которые были сосчитаны в самой Бухаре, 5 тысяч принадлежали к улусу Бату, 3 тысячи — Кутуй, матери Хулагу-хана, остальные же назывались «улаг кул», т. е. великий центр, который каждый из сыновей, утвердившись на престоле ханском, мог распоряжаться как своим собственностью»⁷.

«Аноним Искандера» сообщает подробности об этих инородных владениях одного хана на территории другого. Они появились еще во времена Чингисхана и, видимо, выделялись за какую-то заслугу того или иного хана при завоевании определенных городов и областей. Вот, что, например, сообщается о владении Чагатай: «Когда в старину Чингисхан произвел раздел между четьюрьма сыновьями, он каждому назначил собственность (мульк) во владениях другого сына, чтобы из-за этого между ними не было ссор и ссоры. Согласно этому, в Хорезме, который является владением Джучи, он дал Джалагаю Кат и Хиву. С тех пор, до

премени возникновения державы Тимура, налог с тех двух мест поступал без недостатка»⁸.

Аг-Омари писал о шелковых, хлопковых и бумажных мастерах, принадлежавших джучидам в Тебризе, и о доле джучидов с доходов Мерата, Аррана, Хамдана и других иранских городов⁹. В свете вышесказанного, диссонансом звучит вывод исследователя кочевников Г. Е. Маркова о том, «что предводители кочевников не получали ренты за землю: собирали дань, удовлетворялись подношениями, но порой они ничего не получали от своих соплеменников вообще»¹⁰. Это не так. Для признания данного отсутствия феодальным необходимо наличие у кочевников двух черт: монополии господствующего класса на земельную собственность; первое на ее органические продукты (скот, доход с земли, воду); и наличие непосредственного производителя (скотовода, земледельца), обремененного службами и повинностями в пользу собственника (феодала или «скотоводческая» рента).

Чингисхан упорядочил перекочевки, выделил для каждой военно-политической группы определенные пастбища. Но сделано это было не с целью закрепления пастбищ за предводителями, по мнению Г. Е. Маркова, а для укрепления военной организации, которую могли нарушить беспорядочные перекочевки и возможные столкновения из-за пастбищ. Поэтому-то сложение монгольской империи не привело в степи к изменению форм собственности и на основные средства производства¹¹.

Несостоятельность этих положений убедительно доказал Г. А. Федоров-Давыдов. В частности, он считает деятельность Чингисхана по упорядочению монгольского общества, юридическим оформлением неравных отношений, установившихся в ходе объединительных войн внутри Монголии и завоевательных войн ее.

Улусы, тьмы, тысячи, сотни — все это кочевые «бенефини», выданные на условиях военной службы. Дисциплина в войсках Чингисхана — это стечение свобод рыцарей кочевников, попавших в зависимость от своих военачальников-сенюров: тысячник, темник, беков, улусных держателей-ханов. Принудительное перераспределение старых пастбищ, руководство со стороны монгольской аристократии кочеванием как монгольских, так и захваченных полувечных или чернокобуцких кочевых групп, переселение их в новые места и на новые земли, являлось ничем иным, как перераспределением земель, скота и зависимых людей¹².

В кочевом обществе каждый нойон, получив в потомственное владение «соною», «тысячу», «тьму» был прежде вассалом вышестоящего нойона, танянина, самого хана, а не только военачальником, обязанным подчиняться согласно уставу — Ясе. Действительная стройная система вассальных отношений, ибо сущность

феодалной собственности на землю — это в первую очередь власть над людьми, живущими и работающими на ней¹³.

Любое владение людьми предполагало обязательное владение пространством земли для кочевков. Ведь кошу сегодня в одном месте, завтра в другом, они могли оказаться за тысячу километров от прежней кочевки. Поэтому у кочевников зависимые люди прикреплялись не к земле, а к господину (сенюру)¹⁴.

В первой половине XIII в. нарождавшиеся кочевые феодалы — темники и тысичники, не говоря уже о царевичах и императорах, имели каждый крупное феодалное хозяйство. Следует отметить, что в таком крупном хозяйстве трудом занимались, безусловно, не сами нойоны, их жены, дети, или ближайшие родственники, а зависимые араты, которым раздавался скот по несколько сотен голов на выпас. Хозяйство кочевого нойона ничем существенно не отличалось от помещичьей вотчины или барского хозяйства оседлого сенюра. Наоборот, во многом было сходно с ним.

Распределение и использование пастбищ и угодий, перекочевки производились не в соответствии с решением большинства членов кочевых групп, как полагает Г. Е. Марков, а по усмотрению и воле предводителей, кочевых нойонов. Современник событий П. Карпини, например, пишет, что «никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают тысичникам, тысичники — сотникам, сотники — десятникам»¹⁵. Также пишет В. Рубрук, отмечая, что «всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также, где он должен пастись свои стада зимой, летом, весной и осенью»¹⁶.

Г. Е. Марков, напротив, утверждает, что основные предводители и старейшины у монголов не были собственниками пастбищ и угодий и пользовались ими наряду со своими соплеменниками. Это опровергает П. Карпини: «...Все настолько находится в руке императора, что никто не имеет сказать: «Это мое или его», но все принадлежит императору, то есть все имущество, выюнный скот и люди»¹⁷.

Таким образом, уусус можно назвать кочевыми ленами. Если в античности жосток чингисхановская дисциплина, то в степи эмиры оказывались в жесточайших рамках ханской регламентации. Широко известно по этому поводу высказывание Чингисхана: «Только те эмиры тугенов, тысич и сотен, которые в начале и в конце года приходят и вынимают биликам Чингисхана и возвращаются назад, могут стоять во главе войск. Те же, которые сидят в своей юрте и не вынимают биликам, угодьями каменю, упавшему в глубоководную воду, либо стреле, выпущенной в заросли простника, тот и друтив бесследно исчезают. Такие люди не годятся в качестве начальников»¹⁸.

Поэтому не случайно прикрепление к войсковой единице, соответственно и к определенному кочевому уделу было строгим и яса запрещала самовольный переход из одного подразделения в другое.

Г. Е. Марков признает, что в монгольском государстве земля, как и все прочее: люди, их жизнь, имущество — всецело находилось во власти главы империи. При этом добавляет: «Но это обещание для восточных деспотов по отношению к существовавшим у разных народов, стоявшим на разном уровне общественного развития, еще не свидетельствует само по себе о каких-то определенных формах земельных и связанных с ними производственных отношений»¹⁹.

В данном случае допущено полное игнорирование того, что кочевой образ жизни является чрезвычайно сходным с военно-полетным бытом. Все мужчины и даже женщины с детства обучались метанию лука, верховой езде, охоте, ставить и собирать юрту, добывать и готовить себе пищу и др. То есть все они поголовно были одновременно воинами, табунщиками, пастухами и хозяйственными работниками.

Г. Е. Марков не учел того, что вассалы не имели права быть собственниками земли, они владели только своей наследственной долей. Разве этого недостаточно для признания общества в XIII—XIV вв. феодальным, когда рабство уже изжило себя, а капитализм не зародился. Не мог же Чингисхан сам управлять всей империей, быть производителем материальных благ, не вступая в поземельные и производственные отношения со своими вассалами.

История кочевников свидетельствует о том, что по мере перехода земли в феодальную собственность, зависимые араты и «свободные» общинники превращались в крепостных монгольских нойонов. Первые формы внеэкономического принуждения раннефеодального типа существовали у кочевников и тогда, когда у них появились, по выражению К. Маркса, «вассалитет без ленов и лены, состоящие из даней», зачатки которых прослеживаются и более ранний период.

В установлении внеэкономического принуждения, феодальной зависимости и крепостного права важную роль играла, на всем протяжении средневековья, военная служба. Как и в Западной Европе при Карле Великом, так и при Чингисхане на Востоке, «военная служба, ... выражаясь словами К. Маркса, — ... была главным средством быстрого превращения свободных ... крестьян в крепостное право и его основные принципы у монголов были установлены впервые Чингисханом при провозглашении Монгольского государства. Он запретил подданным и воинам переходить без разрешения из одного военно-административного деления в дру-

гос. «О самовольном переходе не может быть и речи», — заявлял он. Но для того, чтобы крепостничество полностью вошло в жизнь общества, понадобились в дальнейшем многочисленные указы и суровые принудительные меры как самого Чингисхана, так и его ближайших преемников.

Крепостничество у кочевников ничем по существу не отличалось от крепостничества, существовавшего в оседлых странах. Только, если у оседлых народов крепостные прикреплялись непосредственно к помещичьей земле, конкретно даже к «своему» участку, то рядовые скотоводы, за неимением таких участков, прикреплялись ко всей земле государства, формально к имени ноина или его личности.

Изда военно-феодальной десятичной системы организации общества крепостничество в Монгольской империи носило с самого начала ступенчатый, неравномерный характер. Кочевник-арат, прежде всего, конечно, был крепостным данного темника, даннотора, так как государство было верховным, единственным императором, так как государство было верховным, единственным законным собственником земли, не только политическим сувереном, но и феодальным союзником. А рабство в целом было в государстве гражданским, но и одновременно феодально-зависимым и крепостным. Отношения между государством и народом носили характер также гражданско-административной и феодально-крепостнической зависимости. Форма земельной собственности и крепостного права, в свою очередь, определила характер распределения общественного богатства между классами, размер феодальной земельной ренты, государственные повинностей и налогов.

В качестве земельной ренты каждый арат выделял часть продукта своего труда, темнику и царевичам, не говоря уже об императоре и государстве. Он также отбывал определенное количество повинностей, в том числе и трудовых. Существовали как отработочная, так и продуктовая рента, первая из которых, вероятно, преобладала. Со второй половины XIII в. существовала и денежная рента.

Феодальная рента, государственные повинности и налоги были высокими по размерам, разных видов и возникали всевозможными способами. В 1233 г. Угэдэй внес поправку в порядок взимания налогов. Если раньше некоторые виды налогов и повинностей взимались со ста голов скота, то он установил с каждого десятика голов, отсюда бремя повинностей и налогов становилось более трудным для бедняков и середняков. В силу сохранения за государством права верховного собственника земли государственные, феодальные повинности и платежи были рентой — налогом. Помимо государственных повинностей и налогов ко двору монгольского императора поступали огромные ценности в виде воен-

ной добычи, даней и поборов из завоеванных стран, что являлось по существу простым грабежом.

В связи с дальнейшим развитием и углублением феодализма, основная территория Золотой Орды вместе с живущим в ней населением подразделялась между отдельными феодалами. Из среды феодалов выделялись еще сверхпривилегированная верхушка — дети и близкие родственники хана. По описанию Рашид-ад-Дина, только в половниковой степи насчитывалось более 400 сыновей, внуков и правнуков Джучи-хана, не считая родственников по женской линии²¹. Царевичи имели в своем владении уделы не только в Кипчакской степи, но и в оседлых земледельческих районах. По словам Ибн Батуты, отдельные кочевые беки или ноины, и Хорезме получали со своих вотчин, где они занимались земледелием, от 100 тысяч до 200 тысяч динаров ежегодного дохода²².

Царевичи, владевшие улусами, были первыми вассалами хана. В свою очередь, они раздавали земли менее значительным феодалам и таким образом последние становились вассалами царевичей. Типичным верховным собственником всей земли Золотой Орды считался хан, как верховный союзник, который не только раздавал, но и мог лишить своих вассалов уделов, если кто-то примкнул к заговору, располагая достаточными силами для осуществления своих прав. Но действительным, непосредственным господином он являлся лишь в личном наследственном уделе «кипчак». Как известно, в Западной Европе вассальные отношения устанавливались договорами, сопровождавшимися целым ритуалом и особыми формулами.

Хотя источники по Золотой Орде почти не содержат указаний по этому вопросу, но зато мы имеем наиболее подробные сведения, относящиеся к периоду развития феодализма в самой Монголии. Поскольку Золотая Орда являлась отголоском монгольской империи и основные институты монгольского феодального права продолжали существовать и в ней, нужно подгадать, что существование феодальных отношений в империи имели место и здесь.

Провозглашая, например, Темучина ханом, его вассалы признали следующую присягу: «На вратов передовым отрядом мчатся, для тебя всегда стараться, жен и дев прекрасных добывать, юрт, вещей великое множество тебе и тот час отдавать. От охоты на зверей в горах, половину даху тебе должишь мы выделять. Кто из нас твой мир нарушит, хотя мир кругом царит, — значит тем онит не мил. В земли чуждые далеко отылай»²³. Сеньор-союзник также делал торжественное обещание помогать своим вассалам. Так, Угэдэй, принимая дары (поклонения) своего вассала Темучина, заявил последнему: «За собою даху отдавай. Твой разбитый народ скотному, собору, повороку»²⁴. Отношения сеньора и вассала приравнивались, как и в средневековой Западной Евро-

Основная обязанность вассала по отношению к своему сюзеру заключалась в несении военной службы и участии в советских и курлутах. По вызову сеньора, вассал обязан был явиться со своим ополчением и, в случае необходимости, выступить в поход. Свободно принимая обязательство перед своим сюзером, вассал во время службы был обязан соблюдать верность сюзеру. Были, конечно, случаи отказа от дальнейшей службы и перехода к другому. Считалось тяжким преступлением и нарушением «верности» — оскорбление, сознательно нанесенное ущерб, а тем более убийство или покушение на убийство своего сюзера.

Все эти действия как преступления карались, обычно, смертной казнью. Мало того, в большинстве случаев кара распространялась не только на семью виновного, но и на его имущество и на подвластное население. Имел огромное количество скота, обширные участки пастбищ, а некоторые и целые области с оседлыми земледельческим населением, царевичи и другие крупные кочевые феодалы держали себя как самостоятельные государи. Они творили суд и расправу над подвластным населением, имели войско, держали многочисленных чиновников.

Если в первые годы существования Золотой Орды все царевичи повинувались или подчинялись ханам, то со временем каждый был самостоятельным государем своего улуса. Из множества основных передельских историков феодалов Золотой Орды, самым самостоятельным был некий Эрзен, почти равный могучему в то время Узбек-хану²⁶.

Некоторые из феодалов, особенно после смерти Узбек-хана, настолько укрепились, что стали выступать против самих ханов, называя одних и сакая других. Силой и богатством выделялись такие феодалы, как владетель причерноморских степей Крым-Ногай, владетель Хорезма Кутлук-Тимур и потомки старшего сына Джучи-Орды и др. В их руках находились все основные административные и военные функции государства. Хан не мог не считаться с этими могущественными «царями», как их часто называли источники, ибо в противном случае, он рисковал быть свергнутым с престола. С ними считались и правители других соседних стран. Египетские султаны, отправляя послов в Золотую Орду, каждый раз часть своих подарков адресовали Ногая и другим значительным феодалам.

Потомки же Орды почти постоянно держали непосредственную связь с «царем ислама (Газан-ханом), высказывая ему свое расположение»²⁷. Уделы царевичей в принципе являлись наследственными и переходили от отца к сыну, но в каждом отдельном случае царствующий хан подтверждал эту принадлежность своей грамотой. Однако при наличии нескольких претендентов, решающую роль играла не грамота хана, а сила того или иного претендента на улус. Так, например, после смерти Коничи (сына Орды)

улус перешел в руки его старшего сына Баяна, но объявился другой претендент — Кублюк, который заявил: «прежде отец мой велел улусам и по наследству он (улус) переходит ко мне»²⁸. Событий достаточное количество войск, Кублюк при помощи беков Кайду и Дувы выдворил Баяна и занял большую половину его улуса. Баян обратился за помощью к Тохтамышу. Последний выдал подтверждающую грамоту на владение указанным улусом и потребовал к себе для дачи объяснений Кублюка, однако тот не счит нужным явиться для оправдания своих действий.

На второй ступени феодальной иерархии стояли монгольские ноины, князья покоренных народов и тарханы. Будучи самым многочисленным среди господствующего класса феодалов, они в последнее десятилетие Золотой Орды играли огромную роль во внутренней жизни страны, являясь при большинстве ханов действительными обладателями власти. В их руках сосредоточивалась не только основное богатство — скот, пастбища, но и военная власть. Они командовали сотнями, тысячами, десятками тысяч людей, некоторые ноины возглавляли даже посольские и административные службы.

О богатстве кочевых феодалов, таких, например, как Скатай и Коренца свидетельствует описание Рубрука и Карпини, с которыми встретились они на Днепре по пути к ставке Батыя. «Итак, утром мы встретили в повозке Скатай, — говорит Рубрук, — нагруженную доками и мне казалось, что на встречу мне движется большой город. Я также увидел множество стад, быков, лошадей и стад овец. Я видел обычно немногих людей, которыми ими управляли. В силу этого я спросил, сколько человек имеет Скатай и своей власти и мне было сказано, что не более пятисот»²⁹.

Арабский историк Эломари замечает, что когда ханы Золотой Орды разбегаются на своих подданных, то отбирают их имущество и продают детей их³⁰. Рубрук пишет, что богатый монгол имел по 100—200 повозок с едой и скотом. Каждая из 26 жен Батыя имела по 200 повозок³¹.

Среди феодалов были и такие, которые получали в качестве улуса отдельные земледельческие районы в Крыму, на Северном Кавказе и на Нижней Волге. Как видно из ярыка Тимур-Кулдука, феодалы такого рода владели деревнями, мельницами, виноградниками и садами. В дальнейшем беки — феодалы получали от ханов уже занятые участки и земли в наследственные владения. Если при завоевании чингизидов часть феодалов из покоренных народов и потерпевших материальный ущерб, то вскоре они наладили общий язык с завоевателями и добились закрепления за собой пашин, пастбищ, населения, а в ряде случаев заняли и важные государственные посты.

Важное место среди господствующего класса занимали и представители мусульманского и христианского богословия. В источ-

никах встречаются упоминания следующих званий священнослужителей: кади (духовный судья), муфти (духовный законовец), мудари (наставники), шейх (старец-наставитель), суфий (отшельник), мулла (поп). Духовенство было призвано укреплять господство феодального способа производства и воздвигать на умы трудящихся масс. Вместе с тем его верхи прочно входили в ряды феодальной аристократии. Одни владели землями, скотом, а некоторые участвовали в торговых операциях в качестве пайщиков. Другие же занимали государственные должности, были послами, судьями и др.

Кроме эксплуатации людей, каждый подданный государства по мусульманскому праву обязан был вносить в пользу духовных феодалов «копур» (одну десятую часть от дохода и закят, взимаемый со скота: с пяти голов верблюдов — одна коза, с тридцати голов рогатого скота — одного годовалого теленка, с одной лошади — один динар денег. Духовенство было освобождено от всяких податей и государственных повинностей. В их владении были мечети, медресе и крупные жилые здания, шатры, обители для нищих и др.

Как и в других монгольских государствах, важное место в жизни Золотой Орды занимали купцы. Они не только держали большие вклады в разных торговых и ремесленных предприятиях, но и брали на откуп повинность с пельцов областей и городов, занимая таким путем огромные выгоды. Однако купцы в состав лучших людей не входили, так как в основном были выходцами из покоренных народов. Несмотря на свое имущественное положение, оставались в составе податных людей. Купцы обязаны были платить не только тамгу, но и другие виды налогов.

«Коневые народы», — указывает К. Маркс, — впервые равняют у себя денежную форму, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме³². Во всяком случае, не только верхи золотоордынского общества, но и трудящиеся, хотя и в ограниченных размерах все же были втянуты в торговлю.

Рассматривая общественные отношения у монголов, их Ясу и давая оценку праву тарханов, К. Маркс отмечает, что «этот вид феодальных прав возникает у всех поцивилизированных народов в результате воинственного образа жизни»³³. А тарханы были связаны с населением земель, по были освобождены от налогов.

«Важные господа, — говорит Рубрук, — имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляется просо и мука. Бедные добывают себе это в обмен на баранов и кожи»³⁴. После всех этих фактов как же можно согласиться с тезисом Г. Е. Маркова о том, что у кочевников не было собственности на землю. Он не увидит специфику азиатского способа производства, при котором зем-

ладельцы не обязательно должны были быть собственниками земли, так как верховным собственником земли являлся государь и его ближайшие родственники на основе наследственных уделов.

Все остальные феодалы — иерархической лестницы владели землей на правах военной или гражданской службы, но не были собственниками земли. Плато Карпини пишет: «Никто не имеет право пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают место тысячникам, тысячники сотникам, сотники же — пестышкам»³⁵.

Многие исследователи ссылаются на отсутствие сведений о наделении земель, а они имеются. Известно, например, что великий хан Угедей совещался со своим братом Чагатаем (Чататай) относительно того, чтобы «для отведения народу участков земель на кочевья, пусть командирует людьми, избранными из каждой тысячи»³⁶.

В источниках часто встречаются сведения и о бедных, обнищавших, с трудом прокармливающих себя. Так, например, «Сокровенное сказание» сообщает, что один из дальних предков Чингисхана Дабанморген, возвращаясь с охоты, встретил бедного челонка, который вел с собой мальчика. На вопрос Дабанморгена: «Ты что за человек?», — он ответил ему: «Я из дома Маалхбонудай, теперь я обнищал, отдай мне это оленье мясо, а я отдам тебе вот этого сына»³⁷. Дабанморген отдал ему мясо с задницей ноги оленя, на обмен сына, взял мальчика с собой и сделал его у себя в дому прислушкой. Старуха Хаахчин, которая жила в доме матери Темучина, после наезда маркитов, на вопрос последних: «Ты кто такой?», — отвечает: «Я из дома Темучина; ездила по богатым домам стричь овец, теперь возвращаюсь домой»³⁸.

Из анализа доступных нам материалов можно сказать, что в конце хана признавалось право объявления войны и заключения мира, верховное командование войсками, сношение с другими государствами, издание ярлыков и фирманов, право верховного суда, назначение начальников отдельных областей и утверждение принятых земель (не входивших непосредственно в состав Золотой Орды), раздачу отдельным лицам, феодалам, в том числе светлым и духовным, уделов, право налагать дани и разнообразные сборы на всех подданных, назначение всех чиновников и т. д. и в некоторых случаях и местного управления, право назначать монету своим именем и др.

Плато Карпини, Рубрук, Ибн Батута и другие путешественники видели пельцов областей и страны, отданные во владение и управление монгольским поймам, царевичам. Например, по степям Юки кохут Карпини, к востоку от Днепра — Маучи, по степям Юки кохут Карпини и по Поволжью — Бату; на Яике — два кохута пельцов пельчинков. В Кюрю в 1260-х г. был темник Тук-Буги, который выставил туми. Сам хан кохут на левой стороне

Волги, но после того как Берке стал ханом, то и плоскостная часть Северного Кавказа стала «доменом» золотордынского хана³⁹.

В улус Орды по «Анониму Искендера» входят «...пределы Улутата, Секиз — ягача и Каратага до пределов Туисена, окрестностей Дженида и Барченда...»⁴⁰. Был выделен и Шибану: «Юрт, в котором ты будешь жить... будет между юртом Вату и юртом старшего брата моего Орда — Ичига, летом ты живи на восточной стороне Яика по рекам Иргиз, Санук, Ор, Илек до горы Урал, а во время зимы в Аракуме, Кара-Куме и побережьях реки Сыр в устьях Чу и Сарису»⁴¹.

Монгольский кочевой феодализм, по выражению Б. Я. Валидишвили, являлся одной из форм феодальной общественно-экономической формации, основы которой являются общими для всего человечества.

Таким образом, кочевническое общество Золотой Орды делится, как видим, на два основных антагонистических класса: феодальная знать и феодально-зависимое, крепостное аратство, к которому примыкали слуги, рабы и военнопленные.

Ввиду огромного размера феодальной ренты, государственных повинностей и налогов, а также всякого рода дополнительных поборок, положенных народу было тяжелым, жизнь его ухудшалась, что усугублялось еще и бессмысленным проливанием крови в завоевательных походах. Встречаются формы классовой борьбы кочевников: частичное сопротивление, отказ от выполнения тех или иных требований, предписаний, законов; нарушение запретов; споры и тяжбы с номеном и богачом. Сравнительно активная форма аратской борьбы — откочевка, уход и бегство от данного нойона. Народные восстания и волнения встречаются редко, так как все кочевники находились на военной службе и подчинялись железной дисциплине.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. изд. 2-е. Т. 46. Ч. 1. С. 479.
2. Там же. С. 480.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. Изд. 2-е. С. 154.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. Изд. 2-е. С. 480.
5. Путешествие в восточные страны Плино Карпини и Рубрика. М., 1957. С. 46.
6. Там же. С. 97.
7. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов по истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л., 1941. С. 81—82 (далее СМИЗО).
8. Там же. С. 155.
9. См.: там же. Т. 1. С. 239, 244.
10. Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976. С. 304.
11. Там же. С. 300.
12. Федоров-Давыдов Т. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 14.

13. Владимирцов В. В. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. 1934. С. 104; Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 15, 50—51.
14. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. — Л. 1934. С. 158—162, 176—176.
15. Путешествие в восточные страны... С. 45—46.
16. Там же. С. 91.
17. Там же. С. 45 и 46.
18. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Ч. 2. М.-Л. 1952. С. 260.
19. Марков Г. Е. Указ. соч. С. 80.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. Изд. 2-е. С. 738.
21. СМИЗО. Т. 2. С. 41—60.
22. Там же. Т. 1. С. 312.
23. Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 108.
24. Там же. С. 296.
25. См.: там же.
26. СМИЗО. Т. 2. С. 42.
27. СМИЗО. Т. 2. С. 47.
28. Там же. С. 42.
29. Путешествие в восточные страны. С. 82.
30. СМИЗО. Т. 1. С. 244.
31. Путешествие в восточные страны... С. 92.
32. Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 307.
33. Маркс К. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса. Т. V. 1938. С. 220.
34. Путешествие в восточные страны. С. 75.
35. Там же. С. 23.
36. Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 158.
37. Труды членов Пекинской духовной комиссии. Т. IV. С. 25.
38. Там же.
39. Путешествие в восточные страны... С. 70 и др.
40. СМИЗО. Т. 2. С. 77.
41. Абдул-Газиз. Родословное древо тюрков. Казань. 1914. С. 160.

М. 1938. С. 220.

С. А. Козлов

РУССКОЕ КАЗАЧЕСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОТ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА К СЛУЖИЛОМУ СОСЛОВИЮ

(вторая половина XVII — начало XVIII вв.)

Повиновение вольных казахов сообществу на окраинах Российского государства поставило царскую администрацию перед необходимостью выработки механизма взаимоотношений с ними. Нежелание казахов подчиниться государственной власти, их автономность и способность отстоять свои права и «вольность» наводнили на эти отношения свой отпечаток. Причем нельзя не учитывать ряд аспектов данной проблемы: отношение казаков к государственному и государствену к казакам, что далеко не всегда было эквивалентно.